

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Прониной Татьяны Сергеевны
**«Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного
русского общества»**, представленной на соискание ученой степени
доктора философских наук по специальности 09.00.14 – Философия религии и
религиоведение

Диссертация Т. С. Прониной посвящена весьма актуальной теме – современному состоянию религиозной идентичности в России. Несомненно, что сегодня религия (как традиционная, так и нетрадиционная) занимает важное место в социально-культурном ландшафте страны и, как справедливо указано в диссертации, «претендует на роль важнейшего фактора индивидуальной и коллективной идентификации» (с. 5). Возрождение религии породило определенные ожидания и надежды на ее способность содействовать преодолению духовного и мировоззренческого кризиса российского общества. В то же время многие исследователи современного религиозного сознания в России отмечают, что во всех без исключения конфессиях оно отличается крайней противоречивостью, поскольку не все люди в достаточной степени осведомлены о базовых вероучительных положениях своих религий, часто принимая идеи, несовместимые с выбранным ими вероучением. Наблюдается также значительный разрыв между культурно-религиозной идентичностью и реальной религиозной практикой. Кроме того, значительное число верующих и священнослужителей обратились к религии сравнительно недавно, и они привносят в общую картину все те черты, которые свойственны религиозным неопитам – недостаточный уровень образования, слишком ревностное отношение к вновь обретенным ценностям, агрессивное восприятие потенциальных и актуальных противников на ниве борьбы за души людей и т. п. Процесс поиска религиозной идентичности сопровождается самыми различными проявлениями, которые варьируются в рамках широкого спектра общественных настроений – от толерантности до экстремизма.

Расхождение между декларируемыми и реальными религиозными предпочтениями породило дискуссию среди исследователей по поводу степени аутентичности переживаемого страной религиозного возрождения. Как бы к нему ни относиться, оно насчитывает чуть более двух десятилетий – слишком короткий срок для того, чтобы можно было делать однозначные выводы о его отдаленных результатах. Тем не менее, очевидно, что в условиях трансформации идентичности и психологической адаптации к новой социально-экономической реальности традиционные символические маркеры идентичности, среди которых религия занимает ведущее место, начинают играть особую роль.

Осуществляя анализ типологии религиозной идентичности современных россиян, а также сущности феномена «ревитализации» религии в постсоветский период истории России, Т. С. Пронина формулирует следующие основные задачи диссертации: это выделение и сопоставление основных методологических подходов к определению религиозной идентичности и уточнение соответствующего терминологического аппарата; это сравнение декларируемой религиозности и исполнения религиозных практик (уровня религиозного участия) россиян; это исследование роли и места религии в структуре идентичности граждан постсоветской России, установление характера зависимости между религиозной, этнокультурной и гражданской самоидентификацией современных россиян и изучение особенностей личной и коллективной идентичности в традиционных и новых религиях.

Диссертация, помимо введения и заключения, состоит из четырех глав, главное содержание которых сводится к следующему:

В главе 1 «Религиозная идентичность: теоретические модели и подходы к изучению» рассматривается как концепция идентичности в современном социально-гуманитарном

знании в целом, так и религиозная идентичность в своей индивидуальной и коллективной форме с ее противоречиями, в частности. В анализе современных зарубежных философских подходов к проблеме идентичности важное значение имеет сделанный автором диссертации вывод о необходимости постоянного конструирования идентичности, понимания ее как проекта, обращенного в будущее (см. с. 39). Говоря о российских исследованиях проблемы идентичности, автор (следуя идеям Б. В. Дубина) отмечает их специфику по сравнению с зарубежными концепциями и указывает, что в России коллективная идентичность во многом формируется через неприятие «чужого» (см. с. 43). Что касается религиозной идентичности, Т. С. Пронина уделяет специальное внимание проблеме соотношения ее коллективной и индивидуальной формы и подчеркивает, что «превалирование коллективной идентичности над индивидуальной является показателем дисфункциональности в структуре идентичности и слабого развития личной религиозности» (с. 60). Важным для реализации целей работы представляется выделение иерархии идентичностей и вывод о том, что присутствие религиозной идентичности на высшем уровне оказывает важное влияние на мировоззрение и поведение личности, тогда как ее реализация в качестве общекультурной, гражданской составляющей слабо влияет на внутренние убеждения людей и выражается во внешних проявлениях религиозности (см. с. 61). Важным представляется осуществленное автором выделение объективистской (принимавшей во внимание эмпирически наблюдаемые признаки религиозного поведения) и субъективистской (рассматривавшей самосознание и самоидентификацию в качестве индикаторов религиозности) позиции в отечественных исследованиях религиозности (см. с. 72-73).

Глава 2 «Аналитика современной российской религиозности» посвящена исследованиям религиозной самоидентификации, видов религиозных практик, влияния религии на поведенческую мотивацию и моральные оценки. Т. С. Пронина систематизирует основные современные зарубежные и отечественные подходы к изучению религиозности, особенно выделяя теорию секуляризации и концепт дискретности религиозного пространства. Автор рассматривает причины и содержание «ревитализации» религии в постсоветской России и ее противоречивый характер и отмечает, что она затронула лишь некоторые проявления религиозности, а массовая религиозная самоидентификация россиян в качестве последователей традиционных религий носит формальный характер (см. с. 96). В главе в числе прочих представлены результаты исследований, проводившихся Центром религиоведческих исследований Тамбовского государственного университета в 2009-2014 гг., и сделаны соответствующие выводы. Так, автор утверждает, что высокая декларируемая религиозная самоидентификация россиян не находит соответствия в религиозных практиках, что превращает религиозную идентичность в элемент нерелигиозных структур (см. с. 112). Также, по мнению автора, религия в незначительной степени влияет на моральный выбор людей (см. с. 129) и не оказывает существенного влияния на определение их жизненных целей. Интересно содержание и выводы параграфа 2.3. «Религиозность позднего советского периода и «ревитализация» религии в постсоветской России», где автор доказывает, что современное религиозное возрождение основывается, в частности, на реконструировании советского прошлого, в результате чего оно воспринимается как связанное с религией в большей степени, чем это имело место в действительности (см. с. 137). Также весьма важным и интересным представляется анализ религиозной жизни в советское время, основанный, в частности, на архивных данных. Автор делает общий вывод о том, что «уровень активности религиозных практик в постсоветской России не претерпел существенных изменений в сравнении с уровнем исполнения религиозных практик в поздний советский период» (с. 160).

Глава 3 «Возрождение религии и религиозная идентичность в постсоветской России» посвящена, главным образом, разработке типологии религиозной идентичности россиян, в основе которой лежит «фасетный метод классификации объектов» (с. 193). При этом Т. С. Пронина подчеркивает, что «ревитализация» религии в постсоветской России в

значительной степени связана с тем, что она выполняет роль смыслообразующего ориентира и символа стабильности в условиях кризиса идентичности, что проявляется в смешении ее собственно религиозной и гражданской составляющей. Анализируя современный идеологический дискурс и его неоднозначность, автор отмечает, что традиционные религии, прежде всего, РПЦ, во многом строят свой авторитет на прошлом историческом достоянии, хотя влияние православия на российскую государственность не всегда было позитивным (см. с. 170). Тем не менее, сегодня многие россияне видят в православии основу национально-культурной идентичности (см. с. 187). Разрабатывая свою типологию религиозной идентичности россиян, Т. С. Пронина выделяет следующие ее основания: самоидентификацию, содержание и формы религиозной практики, место религиозных представлений в мировоззрении, влияние религии на ценностные ориентации, восприятие социокультурного статуса религии, характер внутриобщинных взаимоотношений, отношение к окружающему миру, место религии в структуре личностной идентичности (см. с. 194-196). На этих основаниях выделяются и анализируются следующие типы религиозной идентичности: «гражданско-религиозный» (с «этно-религиозным» и «идеологическо-прагматическим» подтипами), «религиозно-центрированный» (с «фундаменталистским», «умеренным» и др. подтипами) и «духовно-ориентированный». Среди этих типов первый является, по мнению автора, наиболее распространенным преимущественно среди последователей традиционных религий. Для этого типа характерны отождествление этнического и религиозного начала, а также низкий уровень участия в религиозных практиках. Для второго типа, наоборот, характерно активное участие в религиозных практиках. Третий тип характеризуется неопределенностью идентификации с той или иной религией, синкретичностью и нестабильностью мировоззрения. В этой связи Т. С. Пронина подчеркивает, что возрастание личностного фактора в религии является характерной чертой современной, в том числе и российской, религиозной идентичности (см. с. 228). Несколько выбивается, на мой взгляд, из логики этой главы параграф 3.2.5. «Внешние и внутригрупповые взаимодействия в религиозных сообществах», посвященный типам отношений верующих с окружающим миром, поскольку представленная в нем типология строится на иных основаниях. В целом, автор подчеркивает, что выделенные типы являются теоретическими конструкциями, а в реальной жизни религиозность носит смешанный характер (см. с. 240).

Глава 4 «Религиозная идентичность последователей традиционных и новых религий в современной России» посвящена приложению типологической модели религиозности к анализу религиозной идентичности отдельных религиозных направлений. В главе дан анализ типологии традиционных и новых религий, отмечены существующие здесь проблемы, в частности, сложность четкого определения «традиционной» религиозности и «новых» религиозных движений, исследованы соответствующие зарубежные и отечественные концепции. Весьма интересен анализ новых религий в России, представленный в параграфе 4.2. «Ценности и потребности в формировании религиозной идентичности». Т. С. Пронина указывает, что религиозная идентичность последователей новых религий отличается от таковой в традиционных религиях, поскольку «отражает включенность в реальную религиозную практику, что предопределено самим фактом сознательного религиозного выбора» (с. 282). Некоторые выводы, касающиеся роли дихотомии «свой – другой» в формировании религиозной идентичности, сделаны в параграфе 4.3. «Роль религиозного эксклюзивизма в процессах религиозной идентификации». В целом последняя глава диссертации посвящена иллюстрации ранее выделенных оснований религиозной идентичности, главным образом, на примере новых (нетрадиционных) религиозных движений для России, например, харизматических протестантских церквей, Свидетелей Иеговы, Церкви Последнего Завета, учения «Школы ДЭИР» и др. В заключении диссертации сделан вывод об эвристическом потенциале и динамическом характере предложенной типологии религиозной идентичности, а также о

противоречивом характере религиозной самоидентификации россиян в современной России (см. с. 360-365).

В диссертации Т. С. Прониной использовано большое количество разнообразных источников, как отечественных, так и зарубежных, включая архивные материалы, а также результаты социологических и эмпирических исследований, в том числе, с участием автора. Научная новизна и значимость диссертации связана с разработанной Т. С. Прониной типологией религиозной идентичности, которую можно использовать для изучения религиозности современного российского общества в ее различных аспектах. Основные научные результаты диссертации представлены в 2-х монографиях, 18-ти статьях в рецензируемых научных изданиях и в других публикациях.

В то же время диссертация Т. С. Прониной содержит некоторые положения, которые хотелось бы оспорить, а также содержательные и методологические недостатки:

1. Основное положение диссертации, представляющееся мне спорным, сформулировано следующим образом: современная российская религиозность является формально декларируемой, не сопровождаемой столь же существенным ростом реальной религиозности (исполнением обрядов, посещением богослужений, участием в жизни религиозных сообществ) и слабо затрагивающей убеждения, моральные предпочтения и поведенческие стратегии (см. с. 20). Мои возражения здесь сводятся к следующему: во-первых, данному утверждению свойственен некоторый эссенциализм, то есть представление о том, что существует некоторая нормативная, «реальная» религиозность, некий идеал «подлинной» религиозности» (в котором имелось бы полное соответствие между убеждениями, практиками и поведением), по сравнению с которой существующая религиозность является формальной, «фрагментированной», несистематической и т.д. Во-вторых, если принять данное утверждение в качестве правомерного, возникает вопрос о масштабах этой формальной религиозности: является ли она преобладающей, если да, то в какой степени, и, главное, как это можно измерить? И далее – является ли «амбивалентность» (см. с. 23) российской религиозности явлением, которое следует оценивать как негативное, или же это есть естественный признак современной диффузной религиозности (характерной не только для России)? Из чего следует исходить в религиозноведческих исследованиях: из оценки ситуации с точки зрения представления о «подлинной» религиозности или из действительного положения дел? Другими словами, я не оспариваю оценку религиозности в качестве «формальной», но лишь задаю вопрос, чем ее следует считать: нормой или же девиацией. Представляется, что здесь Т. С. Пронина рискует попасть в ловушку «логического круга» собственной аргументации, когда ее выводы определяются ею же заданными критериями определения религиозности и ее элементов. Следует отметить, что данная проблема типична для многих отечественных религиозноведческих исследований, и вызвана она в первую очередь неопределенностью и многозначностью основных понятий, а также сложным многосоставным характером современной религиозности, которая далеко не всегда может быть описана в рамках традиционного структурно-функционального подхода.

2. Вызывают возражения положения 1 и 2, выносимые на защиту, согласно которым религиозное возрождение в России носит исключительно заместительный, компенсаторный характер. В частности, Т. С. Пронина использует для доказательства своей идеи концепт «заместительной (*vicarious*) религии», разработанный английским социологом Г. Дейви и трактует его следующим образом: «В сфере религиозности эта тенденция проявляется в том, что при отсутствии собственного религиозного опыта человек заменяет личную идентификацию сверхидентификацией с некой субъектностью, которая ему видится олицетворением желаемых характеристик» (с. 176). Представляется, однако, что в оригинале концепт «заместительной религии» имеет иной смысл, описывая характерную для Великобритании ситуацию делегирования религиозной деятельности (особенно по обеспечению ритуалов как части жизненного цикла людей) профессиональным религиозным институтам. Однако из этого отнюдь не следует, что у

всех остальных людей отсутствует «собственный религиозный опыт», просто он может иметь внеинституциональные формы, то есть для этих людей посещение религиозных церемоний не является необходимым. Кроме того, с моей точки зрения, Т. С. Пронина недооценивает то обстоятельство, что тяготение к высшим смыслам человеческого бытия, одним из проявлений которого является религия, является естественным свойством людей независимо от конкретного социально-культурного контекста, хотя очевидно, что это тяготение обостряется в кризисных ситуациях.

3. В диссертации неоднократно подчеркивается, что массовая религиозная самоидентификация граждан России в качестве последователей традиционных религий обозначает принадлежность к культуре страны. Следовательно, эта самоидентификация отражает не реальное участие в религиозных практиках, а стремление быть сопричастными историческому и культурному вкладу традиционных религий, в первую очередь, православия, в историю России, т.е. является «способом презентации собственной культурной идентичности» (с. 359). Из этого утверждения Т. С. Пронина заключает, что религия становится средством для конструирования нового типа гражданской идентичности (см. с. 165). В этой связи у меня возникают следующие вопросы: во-первых, в каком соотношении, по мнению диссертанта, находятся культура и религия? Ведь если согласиться с первым из вышеприведенных утверждений, получается, что религия есть нечто отличное от культуры; по мнению автора, хотя религия и участвует в культурной самоидентификации россиян, но собственно религиозный компонент оказывается ослабленным или формальным. Однако возможно ли разделить культуру и религию, когда речь идет об исторической традиции? Как бы ни относиться к российскому православию, трудно отрицать тот факт, что оно действительно играет важную роль в «национально-культурной идентичности» (с. 197) страны. Во-вторых, можно ли выделить гражданскую идентичность в «чистом» виде, исключая влияние религиозной традиции? В третьих, в соответствии с логикой автора диссертации, религия оказывает влияние на мировоззрение и поведение людей только на высшем иерархическом уровне, а в качестве общекультурной составляющей она на такое влияние едва ли способна. Получается, что человек, воспринявший христианские, мусульманские и т.д. моральные и поведенческие нормы на общекультурном уровне, неспособен применить эти нормы в своей практической жизни. Но так ли это?

4. В диссертации подчеркивается, что используемый в ней подход к изучению религиозности является междисциплинарным, комплексным и полипарадигмальным. Также Т. С. Пронина отмечает, что российская религиозность имеет свою специфику, и в то же время в ней обнаруживаются проявления общих тенденций, характерных для европейских обществ и для США, что позволяет адаптировать идеи, предложенные зарубежными исследователями, к российским условиям (см. с. 89-90). В целом с этим утверждением можно согласиться, тем не менее, с моей точки зрения, вопрос о *критериях* применимости/неприменимости тех или иных концепций к российской ситуации в диссертации прояснен недостаточно. Конечно, автор имеет право на собственные методологические предпочтения, однако хотелось бы понять, почему, например, именно концепция идентичности, предложенная социальным психологом Э. Эриксоном в конце 1950-х гг., расценивается автором в качестве «наиболее всесторонней» (см. с. 36), а также в какой степени теория рационального выбора, разработанная Р. Старком, Р. Финке и др. применительно к исследованию религии в США в 1980-90-х гг., применима к современной ситуации в России.

5. Не все разделы диссертации равноценны в смысле достаточной обоснованности выводов. Так, параграфы 4.4 («Влияние процессов религиозного обращения и формирования преемственности на религиозную идентификацию последователей»), 4.5 («Религиозные представления в структуре религиозной идентичности в контексте традиционной и новой религиозности»), 4.6 («Религиозные практики: виды и их влияние на формирование религиозной идентичности современных россиян»), содержащие

интересный эмпирический материал, страдают некоторой описательностью и недостаточным количеством ссылок.

Тем не менее, указанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертации Т. С. Прониной «**Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного российского общества**», которая посвящена важной и недостаточно разработанной проблеме. Диссертация содержит все необходимые признаки научной новизны и аргументированные выводы. Методы и подходы, разработанные в диссертации, могут быть весьма продуктивными в исследовании современной российской религиозности и прогнозировании направления ее будущего состояния. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации, которая является завершенной научно-квалификационной работой. Диссертация Т. С. Прониной отвечает требованиям п. п. 9 и 10 Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор заслуживает присуждения степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 – **философия религии и религиоведение**.

Доктор философских наук (специальность 09.00.03 – история философии),
главный научный сотрудник
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук.
620990, Екатеринбург,
Ул. Софьи Ковалевской, 16.
Контактный телефон +7(912)242-2186
E-mail: stepanova.elena.a@gmail.com

Е. А. Степанова

13.01.2016